

Глава 46 - Поручение.

После того как корабль вышел в море, Сяо Юй объявил, что все мастерские прекращают работу и делают перерыв.

Он планировал использовать это время для строительства склада. Сяо Юй и Пэй Линьчжи обсудили расположение склада и решили построить его за пределами двора, не только как склад, но и как фабрику по производству противодождевых вещей.

Нынешняя фарфоровая мастерская и печь находились перед старым домом, но, хотя они были немного далеко от дома, в жаркую погоду от них шел пар, особенно ночью, когда во дворе проходили занятия, поэтому Сяо Юй давно хотел их перенести.

Пэй Линьчжи согласился с планом Сяо Юя: "Когда будет построена новая печь, мы должны снести все это место.

Сяо Юй подумал об этом: "Печь можно снести, но мы должны сохранить дом для шелковичных червей и ткацкую мастерскую, чтобы женщины могли работать ближе к дому и в большей безопасности".

Пэй Линьчжи предложил: "Почему бы нам не построить двухэтажное здание рядом с северным домом, чтобы старики и дети могли жить там, оставив старый дом пустым для шелководческой и ткацкой мастерских".

Сяо Юй горько улыбнулся: "Твоя идея хороша, но денег нет".

"Это не будет стоить дорого",- Пэй Линьчжи объяснил ему: "Кирпичи и известь у нас есть свои, а плитку мы можем обменять в магазинах плитки на кирпичи и известь, затраты в основном приходятся на труд каменщиков. Бумажная мастерская и мастерская по выплавке железа все еще производят, так что нам хватит".

Сяо Юй решил, что это сработает: "Давай сделаем так, как ты говоришь. Но железо нельзя продавать в городе, чтобы не привлечь внимание правительства".

"Я поведу людей в соседние деревни и села, чтобы продать их там".

"Хорошо, скажи им, чтобы пока сосредоточились на изготовлении сельскохозяйственных инструментов и кухонной утвари".

"Завтра я отправлюсь на гору Лонгху".

"Я тоже пойду, давно я там не был".

"Но нога Ланцзюня..."

"Моя нога в порядке, она зажила".

"Хорошо".

Следующий день совпал с лунными каникулами, и занятий не было, поэтому Сяо Юй и Пэй Линьчжи рано утром выехали в повозке, взяв с собой Цзи Хая. Поскольку повозка не могла подняться на гору, у подножия горы нужно было оставить кого-то для присмотра за ней.

Был всего лишь март, а весенние дни уже подходили к концу, с неясным намеком на лето. В горах растут пышные деревья, и различные зелень сплеталась в пейзажную картину, звуки щебетания птиц в лесу поднимались и опускались, расслабляюще подпевая друг другу.

Сяо Юй долгое время не выходил, поэтому в данный момент он был похож на маленького дрозда, покидающего свое гнездо, и его шаги были очень радостными. Пэй Линьчжи внимательно следил за ним: "Не торопись, ты только-только оправился от травмы ноги".

Сяо Юй махнул рукой: "Все в порядке, мои ноги уже давно зажили, они совсем не болят, я уже несколько месяцев не лечу свои травмы. В следующее мгновение Сяо Юй развернулся и прыгнул прямо в объятия Пэя Линьчжи идущего за ним.

Прежде чем Пэй Линьчжи успел отреагировать, Сяо Юй обхватил его руками и ногами, как осьминог: "Там змея, там змея, большая змея! Быстрее уходим, уходим!"

Пэй Линьчжи подсознательно крепко схватил его, а когда поднял голову, то увидел большую, толщиной в запястье, черно-коричневую змею, обвившуюся вокруг ветки дерева, которая пересекала горную дорогу перед ним, ее голова свисала вниз и она шипела.

Пэй Линьчжи обнял Сяо Юя и сделал несколько шагов назад, сказав: "Не бойся, я все улажу".

Сяо Юй прищурил один глаз и посмотрел назад, его кожу головы все еще покалывало: "Не надо, просто стукни ее палкой, чтобы прогнать. У всех есть душа, постарайся убивать как можно меньше".

Пэй Линьчжи поднял брови и с интересом сказал: "Обычно я охочусь и убиваю много кроликов и коз".

Сяо Юй, напротив, серьезно сказал: "Мы охотимся на кроликов и коз, потому что хотим есть их мясо и использовать их мех. Но эту змею не нужно убивать, она просто мешает нам".

Пэй Линьчжи кивнул: "Ваши слова разумны".

Не опуская Сяо Юя, он посмотрел вниз и увидел камень на обочине дороги, поэтому он подцепил его ногой, подбросил вверх, поймал рукой, а затем быстро и точно бросил камень в ветку дерева.

Ветка сильно задрожала, и большая черная змея, испугавшись, быстро упала на землю, скрываясь в траве.

Пэй Линьчжи обнял Сяо Юя и быстро прошел через поле.

Сяо Юй спросил в панике: "Змея ушла?".

"Ушла", - прежде чем Пэй Линьчжи ответил, он прошел значительное расстояние.

Сяо Юй выпустил длинный вздох: "Это хорошо. Спасибо, Линьчжи, можешь отпустить меня".

Только сейчас он понял, что его держат на руках, как ребенка: его руки обхватили чужую шею, а ноги обхватили талию в крайне двусмысленной позе, и внезапно его уши покраснели.

Пэй Линьчжи сказал: "Ланьцзюнь не тяжелый".

Сяо Юй выпрямился: "Все равно, ты можешь отпустить меня".

"Я понесу Ланьцзюня, ты только что оправился от травмы ноги, не ходи слишком много", - сказал Пэй Линьчжи.

Сяо Юй все еще не соглашался: "Я еще не чувствовал никакого дискомфорта, если почувствую, то попрошу Линьчжи понести меня".

Услышав его слова, Пэйю Линьчжи ничего не оставалось, как действительно опустить его на землю.

На этот раз Сяо Юй не решился идти впереди, и последовал за Пэем Линьчжи, боясь столкнуться с другой змеей.

Весна - это время, когда змеи и крысы выходят из своих нор, а горы полны ими. Больше всего он боится змей, и к счастью, в Ячжоу очень мало времени в году, когда он мог видеть этих тварей.

Когда Пэй Линьчжи увидел его таким, он только усмехнулся.

Поднявшись на одну гору, Сяо Юй устал, и Пэй Линьчжи снова понес его. Они были еще на

склоне горы, когда увидели сборщиков чая, занятых в долине, и Сяо Юй взволнованно закричал: "Эй! Как поживаете, сборщики чая!?"

Уши Пэйя Линьчжи почти заложило, когда он понял, что голос Его Высочества может быть таким громким, поэтому ему оставалось только наклонить голову в сторону и дать ему возможность высказаться.

Голос Сяо Юя эхом разнесся по долине, привлекая внимание многих людей, и некоторые из детей, которые собирали чай, услышали его крики и закричали в ответ.

Сяо Юй громко рассмеялся: "Они реагируют на меня. Если бы я знал, как спеть песню о любви чайных гор, то в этот момент она была бы особенно уместна".

С улыбкой на лице Пэй Линьчжи быстрыми шагами нес Его Высочество, совершившего детский поступок, вниз по склону. Как только он достиг подножия холма, кто-то подошел поприветствовать их, это был Цзю Янь, он улыбнулся: "Я знал, что это пришел мой благодетель".

Сяо Юй слез со спины Пэйя Линьчжи и погладил Цзю Яня по голове: "Сяо Янь, как ты? Вот, давай я дам тебе сахару". Он достал из сумки, которую нес Пэй Линьчжи масляные засахаренные фрукты, которые он сделал, и передал их Цзю Яню.

Цзю Янь взял бумажный пакет, открыл его и улыбнулся, обнажив отсутствующие резцы: "Спасибо, благодетель".

Сяо Юй громко рассмеялся: "Ты потерял свои резцы, поэтому твои слова вылетают со свистом".

Цзю Янь прикрыл рот рукой: "Пойдем к нам домой обедать, но мой дядя ушел в шахты и еще не вернулся".

Сяо Юй не стал отказываться: "Хорошо". Он не был здесь уже несколько месяцев, и ему не терпелось узнать, изменилось ли что-нибудь в их доме.

Цзю Янь сжал свой бумажный пакет и сказал: "Сначала я пойду и поговорю с мамой", и бросился бежать.

Сяо Юй крикнул ему вслед: "Цзю Янь, притормози, будь осторожен, не упади".

"Я не упаду",- ответил Цзю Янь не оглядываясь, и побежал так быстро, как только мог на своих босых ногах.

Сяо Юй обернулся к Пэйю Линьчжи и сказал: "Сначала пойдем в чайный сад".

Пэй Линьчжи кивнул, и они вдвоем пошли в сторону чайного сада в долине. Чайные деревья, посаженные в прошлом году, расцветали под светом солнца и дождя и пускали новые побеги. Женщины Саи с бамбуковыми корзинами, привязанными к поясу, собирали чайные листья и, увидев приближающихся, останавливались, чтобы улыбнуться и поприветствовать их.

Сяо Юй знал, что Цзю Мо дал каждой семье задание собирать чай по очереди, а затем собраться вместе, чтобы обжарить чай, а затем разделить деньги поровну, когда он будет продан.

Поэтому он никогда не был должен Цзю Мо денег за чай, он покупал его по рыночной цене, чтобы иметь возможность расплатиться с людьми на работах. Только тогда, когда люди увидели, что они получают что-то за свои усилия, они с нетерпением ждали перемен и усерднее работали над сбором чая и его выращиванием.

Рядом с чайными плантациями находятся границы молодых черенков чайных деревьев, которые были успешно посажены. В течение трех лет вся долина будет превращена в чайный лес, который впоследствии сможет расти вверх по склонам.

Даже если в будущем у народа Сай не будет железных рудников, он сможет жить на чае в течение многих поколений, поскольку чай никогда не исчезал из жизни людей, независимо от возраста.

Пэй Линьчжи посмотрел на саженцы чая по всей земле, затем на занятых сборщиков чая, и вдруг сказал: "Ланьцзюнь, возможно ты изменил образ жизни народа Сай на протяжении многих поколений".

Сяо Юй повернул голову, чтобы посмотреть на него, и сказал с улыбкой: "Неужели?".

Пэй Линьчжи посмотрел ему в глаза и кивнул: "Да. Лучше научить человека ловить рыбу, чем дать ему рыбу, и Ланьцзюнь именно это и сделал. Народ Саи должен быть вечно благодарен вам".

Сяо Юй смутился от комплимента: "Надеюсь, они смогут правильно ухаживать за чайным садом".

Маленькие ножки Цзю Яня бежали очень быстро, как только Сяо Юй вышел из чайного сада, он уже бежал к ним навстречу, протягивая руку Сяо Юю: "Благодетель, поднимись ко мне домой, моя мать приготовила вкусный обед".

Сяо Юй следовал за ним через всю деревню, чувствуя, что со времени его последнего путешествия мало что изменилось, но в то же время что-то изменилось.

То, что Цзю Янь назвал вкусным обедом, было просто приготовлением его матерью клейкого

риса и варкой бульона, что было действительно большим улучшением по сравнению с первым разом, когда они ели сырое мясо.

Цзю Янь проводил их в дом и повернулся, чтобы снова выйти на улицу. Мальчик был так энергичен, что никогда не отставал.

Сяо Юй заметил, что именно эти чаши он подарил Цзю Мо, когда тот приезжал к нему домой.

Как раз когда разливали суп, в дом вбежал Цзю Янь: "Благодетель, я позвал дядю обратно".

Цзю Мо увидев Сяо Юя и Пэйя Линьчжи, очень явно обрадовался: "Добро пожаловать, Сяо Ланьцзюнь, ты оправился от ран?".

Сяо Юй улыбнулся и сказал: "Спасибо, что подумали обо мне, я выздоровел. Я давно не был здесь, поэтому пришел осмотреться, а Цзю Янь настоял, чтобы я остался у вас на обед.

Цзю Мо подошел и похлопал Сяо Юя по плечу: "Ты должен был прийти на обед. Я бы пообедал там, если бы А-Янь не пришел сказать мне, так что извините за плохое гостеприимство".

Сяо Юй рассмеялся: "Не говори так, я тоже пришел сюда по прихоти. Я доставил вам всем много хлопот".

Цзю Мо улыбнулся и сказал: "Тогда давайте не будем вежливыми, просто сядем и поедим".

Итак, все сели есть, и на этот раз это был горячий рис и суп, который согрел их желудки.

Пока они ели, Цзю Мо от всего сердца выражал свою благодарность Сяо Юю. С тех пор как начался сбор чая, самые бедные жители Сай смогли получить деньги, чтобы купить соль, рис, ткань и так далее, и люди были невероятно благодарны Цзю Мо.

"Вообще-то, это вас они должны благодарить, это все ваша заслуга",- сказал Цзю Мо.

Сяо Юй махнул рукой: "Нет, это все от твоей тяжелой работы по выращиванию и сбору чая, я должен поблагодарить тебя за твою готовность помочь мне".

Цзю Мо сказал: "Если отныне вам что-нибудь понадобится, только скажите, и наши ребята сделают все возможное, чтобы помочь вам".

"Это очень мило с вашей стороны, мастер Цзю. Это наше взаимовыгодное сотрудничество".

Но Пэй Линьчжи сказал: "Тогда спасибо вам, мастер Цзю".

Трапеза прошла на ура. После еды Цзю Мо сказал: "А-Янь, сходи за родниковой водой, чтобы приготовить чай". Поскольку у них были чайные листья, они также научились заваривать чай.

"Хорошо", - Цзю Янь поспешно поднял большую бамбуковую трубку и ушел.

Цзю Мо смотрел, как спина его племянника исчезает за дверью, а потом сказал: "Я хотел бы попросить тебя о помощи, но не знаю, стоит ли говорить об этом".

Сяо Юй сказал: "Ты такой вежливый, просто скажи мне, если я могу помочь тебе, я помогу".

После минутного колебания Цзю Мо сказал: "Я хотел бы отправить А-Яня в дом господина Сяо для обучения и получения знаний".

Сяо Юй удивился: "Ты хочешь отправить Цзю Яня ко мне домой?".

Цзю Мо кивнул: "Да, он не может быть таким, как я, неграмотным. Он будет следующим патриархом деревни, и поскольку в будущем деревня будет все больше и больше контактировать с внешним миром, я надеюсь, что он будет лучше знаком с этим миром, чтобы привести наш народ к лучшей жизни."

Сяо Юй был поражен его прозорливостью и восхищен его смелостью, проявившей инициативу, чтобы связаться с внешним миром. Без особых колебаний он сказал: "Да, я согласен".

В прошлый раз, когда князь Юэ хотел отправить своего ребенка, он был категорически против, но в этот раз, когда Цзю Мо хотел отправить своего племянника, он согласился, не сказав ни слова, почему?

Перед тем как покинуть деревню и отправиться в шахту, Сяо Юй выпил чай из горной родниковой воды, которая была намного слаще колодезной воды, которую они пили на берегу моря.

Он вспомнил, что один известный актер давая интервью, рассказал, что использует для приготовления чая только воду из горного источника Юцюань, и вдруг понял его. Но он точно не мог сделать что-подобное, просить кого-то проехать так далеко, чтобы принести ему воды для приготовления чая; у разной воды разный вкус.

После перехода через холмы и горы к железной шахте, где мастера лихорадочно обжигали и рафинировали железо, красное железо текло по желобам, кузнецы высоко взмахивали молотами, и железо билось со звоном.

Все были рады приходу Сяо Юя. Сяо Юй принес им засахаренных фруктов и соевый соус, мясо и овощи предоставил Цзю Мо, а еду периодически спускали с горы они сами и приносили деревенские.

Здесь у них не было недостатка ни в чем, кроме того, что они редко видели чужаков и были немного зажаты.

Однако на этот раз Сяо Юй пришел с хорошими новостями для всех: они могли отдохнуть несколько дней с сегодняшнего дня и вернуться позже.

Все были очень рады этой новости, но все равно, до конца дня, ответственно работали над рафинированием выплавленного железа.

В дополнение к железу, которое было отдано саянцам для их нужд, ножницы и ножи, которые были сделаны позже, собирались для продажи. Цена еще не была известна, и Цзю Мо выразил готовность подождать до возвращения корабля, прежде чем отдать им их долю.

Сельскохозяйственные инструменты и ножи, которые Сяо Юй привез в этот раз, можно было разделить, как только они все будут проданы.

Когда пришло время уезжать, Пэй Линьчжи и деревенские кузнецы вынесли из гор инструменты и ножи и положили их на повозку.

Сяо Юй спросил Цзю Мо, который пришел его проводить: "Когда ты собираешься отправить своего племянника ко мне?".

"Я еще не сказал им, но когда через несколько дней вы снова пришлете еду, я возьму его с собой".

Сяо Юй кивнул: "Хорошо, тогда мы вернемся первыми".

По дороге сюда их было трое, но на обратном пути их стало больше десяти, все определено бы не поместились в повозке, только Сяо Юй сидел в ней, а Пэй Линьчжи вел лошадь и шел с остальными.

По дороге, Пэй Линьчжи, наконец, задал вопрос мучавший его: "Почему Ланьцзюнь согласился, чтобы Цзю Янь пришел к нам домой? Вы не боитесь, что он станет помехой?".

Сяо Юй сказал: "Это неприятно, но мы должны согласиться".

"Неужели Ланьцзюнь беспокоится о том, чтобы не обидеть Цзю Мо?"

Сяо Юй покачал головой: "Нет, нет, это из-за статуса Цзю Яня. Знаешь ли ты, почему столицы уездов и округов никогда не располагались в самом Ячжоу с тех пор, как династия Цинь основала уезд в Ячжоу?".

"Почему?".

"Потому что туземцы Ячжоу не подчинились контролю династии Хань, и с древних времен было много вспышек беспорядков со стороны туземцев, каждый раз они убивали всех ханьских чиновников и заставляли Императорский двор посылать войска для их подавления. Что неоднократно приводило к большим потерям с обеих сторон и гибели многих людей. Первопричина всего этого - отсутствие взаимопонимания и доверия между ними. Теперь Цзю Мо взял на себя инициативу отправить сюда своего племянника, чтобы он познакомился с культурой и историей ханьцев, не кажется ли тебе, что это лучшая возможность?", - Сяо Юй наклонил голову и вопросительно посмотрел на Пэйя Линьчжи.

Пэй Линьчжи посмотрел на него: "Вы имеете в виду, чтобы они признали нашу культуру?".

Сяо Юй щелкнул пальцами: "Да, наша культура Хань - самая терпимая культура, от династий Ся, Шан и Чжоу до периода Весенних и Осенних воюющих царств, а затем через династии Цинь и Хань до наших дней, я не знаю, сколько различных культур и иностранцев слились, чтобы сформировать нынешний народ Хань и нашу культуру. Только превратив их в наш собственный народ, мы все сможем жить в гармонии. Разве ты так не думаешь?"

У Пэйя Линьчжи слегка покалывало кожу головы, как будто он услышал чрезвычайно важный момент: "Означает ли Ланьцзюнь, что северный народ Ху должен также использовать нашу культуру для их интеграции?"

Сяо Юй улыбнулся и кивнул: "Да. Изгнание и подавление силой - не лучший способ решения проблемы, он лишь создаст перетягивание каната между двумя сторонами. Только интегрировав чужеземцев и превратив их в наш собственный народ, война и раздоры утихнут".

"Но северный народ Ху - дикари и они убили так много наших соотечественников, неужели мы все еще хотим принять их как своих?", - вдруг спросил Цзи Хай, который до этого спокойно слушал.

Сяо Юй повернул голову, чтобы посмотреть на Цзи Хая, и его улыбка стала необычайно сильной. Похоже, он не понимал, что сам настолько полностью интегрировался в ханьскую культуру, что забыл, что изначально был уроженцем Ячжоу.

Сяо Юй сказал: "Люди Ху убили наших соотечественников, а мы убили соотечественников людей Ху, единственный способ решить проблему - остановиться, пожать друг другу руки и заключить мир".

Пэй Линьчжи фыркнул: "Невозможно, чтобы народ Ху пожал нам руки и заключил с нами мир".

Сяо Юй сказал: "Тогда мы должны сражаться до тех пор, пока они не будут бессильны сопротивляться, а затем медленно интегрировать их через культурную индоктринацию (прим.

пер: процесс внушения человеку идей, установок, когнитивных стратегий или профессиональных методологий) и браки с различными племенами. Необходимо сочетание благодати и силы".

Но тут другая возможность пришла в голову Пэйю Линьчжи: "А что, если мы, ханьцы, будем побеждены народом Ху? Тогда не будем ли мы, ханьцы, подвергаться индоктринации со стороны Ху?".

Сяо Юй покачал головой: "Нет, потому что культура Ху гораздо менее развита, чем наша культура Хань, а их культура и цивилизация - это только завоевание и ассимиляция отсталых, даже если Ху завоюют Хань силой, в культурном плане они в конечном итоге будут завоеваны культурой Хань. Мы должны быть уверены в этом", - он уже был свидетелем такого факта.

Пэй Линьчжи сказал: "Значит, суть дела все еще в борьбе".

Сяо Юй поднял брови: "Конечно, без войны не может быть мира. Но конечная цель войны - мир, а не грабеж".

Пэй Линьчжи повернул голову и посмотрел на улыбающегося Сяо Юя, и его сердце заколотилось от волнения.

Только Его Высочество может объединить мир, чтобы люди всего мира могли жить и работать в мире и счастье, а различные этнические группы могли интегрироваться и жить в гармонии друг с другом.

Через несколько дней Пэй Линьчжи и кузнец, у которого закончился отпуск, вернулись на гору Лонгху с зерном на буксире и отдали Цзю Мо деньги, вырученные от продажи сельскохозяйственных инструментов.

Сельскохозяйственные инструменты продавались на треть дешевле рыночной цены и пользовались большим спросом, но все еще было много людей, которые не могли их себе позволить.

Сяо Юй на самом деле хотел продать их подешевле, в конце концов, с железными сельскохозяйственными инструментами можно было повысить производительность труда. Но если бы они были еще дешевле, он боялся, что молва об этом распространится и в конце концов чиновники забеспокоятся.

Когда Пэй Линьчжи вернулся, Цзю Мо пришел с Цзю Янем, который никогда раньше не выходил из гор. Он был одет в новую грубую одежду, которую сшила для него мать, и с большой тревогой смотрел на незнакомую обстановку и незнакомых людей, ведь его благодетель жил в таком высоком и просторном доме, где было так много детей.

Сяо Юй протянул руку и коснулся его головы: "Сяо Янь, с этого момента ты будешь жить в моем доме, у меня здесь много детей твоего возраста, они все будут твоими друзьями".

Цзю Янь беспокойно посмотрел на своего дядю: "Дядя, ты тоже останешься?".

Цзю Мо положил руку ему на плечо: "У дяди еще есть деревня, о которой нужно заботиться, поэтому он не может остаться. С этого момента ты будешь жить в доме Сяо Ланьцзюня, у него здесь много интересных дел и много компаньонов. Дядя приедет навестить тебя через несколько дней".

Цзю Янь наконец осознав, что ему предстоит разлука с близкими, чуть не заплакал: "Когда же я увижу свою маму?".

"Твоя мама тоже может приехать и повидаться с тобой. Здесь ты должен слушаться Сяо Ланьцзюня, а когда освоишь навыки, сможешь вернуться домой",- Цзю Мо протянул руку, чтобы вытереть слезы племянника, и прижал голову ребенка к себе.

Цзю Янь хныкал и плакал.

Цзю Мо беспомощно улыбнулся Сяо Юю: "Когда ты впервые уезжаешь из дома, сложно адаптироваться".

Сяо Юй кивнул: "Я могу это понять, ребенок так мал, он будет в порядке. Цзю Янь очень храбрый ребенок, он обязательно сможет привыкнуть к тому, что он здесь".

Пэй Линьчжи сказал: "Цзю Янь, не плачь. Когда я позже повезу еду, я захвачу тебя с собой".

Когда Цзю Янь услышал это, он повернул голову и посмотрел на Пэя Линьчжи: "Правда?".

Сяо Юй сказал: "Да, ты сможешь поехать с Пэй Ланьцзюнем обратно, навестить свою маму и дядю, а затем снова вернуться сюда".

Когда Цзю Янь убедился, что сможет вернуться позже, он уже не был так расстроен и молча вытер слезы рукавом.

Таким образом, Цзю Янь остался в доме Сяо Юя.

Сяо Юй устроил его к Цзи Хаю. Цзи Шань ушел в море, и теперь у Цзи Хая была отдельная комната, так что, если он присмотрит за Цзю Янем, то он был уверен, что Цзю Янь сможет успокоиться как можно скорее.

На следующее утро после приезда Цзю Яня, Цзи Хай тихо сообщил Сяо Юю, что мальчик проплакал всю ночь, и что Цзи Хай безрезультатно пытался успокоить его, тот плакал пока наконец не заснул, устав от слез.

Проплакав три дня подряд, Цзю Янь перестал плакать. Каждое утро он ходил с Цзи Хаем на тренировку, а утром они вместе посещали уроки, но он не очень понимал их, потому что немного отставал от других детей.

Во второй половине дня Сяо Юй давал ему индивидуальные уроки, чтобы он как можно быстрее догнал всех.

В течение семи дней он полностью адаптировался к жизни здесь и стал прежним веселым и жизнерадостным, лазил по деревьям, как обезьяна, с безграничной энергией, вызывая множество смешных инцидентов.

Поздним вечером этого дня Сяо Юй давал Цзю Яню очередной урок, и пока Цзю Янь делал домашнее задание, Сяо Юй не мог не задремать.

В тумане он вдруг услышал, как Цзю Янь окликнул его: "Ого, кто этот ребенок, почему он здесь?".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300244>